

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

ЧЕТЫРЕ ВЕКА
ЭКСПЕДИЦИЙ
В ЗЕМЛИ АЙНОВ

Под редакцией В. В. Щепкина

Санкт-Петербург
2022

УДК 93/94, 327.2
ББК 63.3(2...), 63.3(29=), 63.3(0)5, 66.4

Рецензенты

канд. ист. наук *А. Ю. Сеницын* (МАЭ РАН)
канд. ист. наук *Т. А. Пан* (ИВР РАН)

Авторский коллектив

В. В. Щепкин, канд. ист. наук (предисловие, главы 1, 4);
С. В. Гришачев, канд. ист. наук (глава 2);
А. М. Соколов, канд. ист. наук (глава 3);
В. Ю. Климов, канд. ист. наук (глава 5);
А. В. Климов (глава 6);
О. В. Климова, PhD (глава 7);
М. В. Осипова, канд. ист. наук (главы 8, 9);
Е. С. Чекунова, канд. ист. наук (глава 10).

Четыре века экспедиций в земли айнов. Коллективная монография / под ред. В. В. Щепкина; Ин-т восточных рукописей РАН. — СПб.: Изд-во «Арт-Экспресс», 2022. — 260 с.
ISBN 978-5-43910-813-8

К XVII в. земли айнов — Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова — оставались одним из последних «белых пятен» на карте мира. Вскоре туда устремились экспедиции под флагами самых разных стран: Голландии, России, Японии, Британии, Франции. Благодаря экспедициям сегодня мы располагаем обширным корпусом письменных источников по истории и культуре этого отдаленного края, но в то же время они оказали необратимое влияние на жизнь и историю местных жителей — айнов. Каждый из авторов данной книги представил свой взгляд на роль экспедиций в истории земель айнов.

ISBN 978-5-43910-813-8

© Авторский коллектив, 2022
© Институт восточных рукописей
Российской академии наук, 2022
© Иванова М. Н., дизайн, 2022.

Содержание

Предисловие	4
Раздел I. Таинственная земля Эдзо	7
Глава 1. Первые христианские миссионеры в землях айнов (1618–1622)	9
Глава 2. Экспедиция Маартена де Фриза 1643 г.: исторический и этнографический аспекты	17
Раздел II. По безграничным островам	41
Глава 3. Курильская коллекция №820 в собраниях МАЭ РАН	43
Глава 4. Записки Могами Токунаи о пребывании на Курильских островах в 1786 г.	85
Раздел III. Земли айнов: обретение границ	107
Глава 5. Инспекционные поездки японских чиновников в земли айнов в 1801 г. (по третьей тетради “Записей о Светоносном правлении добродетельного Государя”)	109
Глава 6. Первая зимовка японцев на острове Итуруп в 1803–1804 гг. (по материалам “Рассказов о северных варварах”)	151
Глава 7. Российские экспедиции в земли айнов в начале XIX в.	170
Раздел IV. Земли айнов по разные стороны границы	203
Глава 8. Йохан Адриан Якобсен: путешествие к айнам острова Сахалин	205
Глава 9. «Путешествия были у них в крови»: женщины-путешественницы в землях айнов (Мэйбл Лумис Годд, Джесси Акерман, Мэри Шэффер)	221
Глава 10. «Экспедиция в Парламент Японии»: вклад Каяно Сигэру в сохранение исторической памяти об айнах как коренном народе Японии	245
Сведения об авторах	259

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ЗЕМЛИ АЙНОВ: ОБРЕТЕНИЕ ГРАНИЦ

ГЛАВА 7

РОССИЙСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗЕМЛИ АЙНОВ В НАЧАЛЕ XIX В.¹

В начале XIX в. к Сахалину и Курильским островам был отправлен ряд экспедиций: кругосветное плавание И. Ф. Крузенштерна в 1803–1806 гг., две экспедиции лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова в 1806–1807 гг. и плавание В. М. Головнина в 1811–1813 гг. Все эти события, неразрывно связанные друг с другом, повлияли не только на ход развития российско-японских отношений, но и на отношение к «мохнатым курильцам» — айнам, коренному народу этих островов, на торговлю с которым возлагались большие надежды.

Экспедиция И. Ф. Крузенштерна (1803–1806)

В 1803–1806 гг. состоялось первое русское кругосветное плавание на двух кораблях «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна (1770–1846) и Ю. Ф. Лисянского (1773–1837). Изначально экспедиция планировалась как коммерческое предприятие Российско-Американской компании (далее — РАК) целью которой была доставка грузов в русские владения в Северной Америке и на Камчатке, а также закрепления российского приоритета в отдаленных владениях в Тихом океане. Однако из-за финансовых трудностей снаряжение было взято на баланс государства и задачи экспедиции были расширены. Так, предстояло обследовать Сахалин и Курильские острова и установить торговые отношения с Японией и Китаем.

20 февраля 1803 г. министр коммерции Российской Империи граф Н. П. Румянцев (1754–1826) в докладной записке «О торговле с Японией», адресованной Александру I (1777–1825), обращает внимание монарха на то, что необходимо воспользоваться «всеми выгодами сей важной экспедиции» и установить торговые отношения с Японией: «торговля получит новые и надежные виды, а американцы при всей отдаленности их ... почувствуют человеколюбивого их обладателя»². В данной записке Н. П. Румянцев обращал внимание российского монарха на то, что РАК, основав в 1794 г. на о-ве Уруп поселение в тридцать человек, предписала им «снискивать дружбу мохнатых курильцев (так тогда в России называли айнов южных Курильских

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №20-09-00401. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00401.

² АВПРИ. Ф. Гл. Архив 1–7, 1802. Д. 1. П. 2. Л. 10–13; Оpubл.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815: Сб. документов. М.: Наука, 1994. С. 387–389.

островов — О. К.), на северной оконечности 22-го острова Матмая (Хоккайдо — О. К.) обитающих, полагая средством сего народа, яко от Японии мало зависящего, завести с японцами торговлю и исподволь приготовить умы их к дружескому с россиянами обращению»³.

Во главе первого официального посольства в Японию был назначен Н. П. Резанов (1764–1807). Еще до его отплытия из Санкт-Петербурга, Н. П. Румянцев, который ставил открытие торга с Японией «важнейшим предметом», предложил ему в случае отказа Японии от установления торговых отношений с Россией произвести разведку обстановки на Сахалине и ответить на вопросы: «один ли народ на Сакалинском острове находится или многие, кому принадлежит остров сей, почитают ли его японцы принадлежностью Китая, или независимым, в какой связи сии островские жители с японцами и каким образом можно бы достигнуть до открытия там торга»⁴.

Он также предписывал Н. П. Резанову «домогаться..., чтобы открыта была мена на острове Матмане..., буде же и того не удастся, то тут остается средство производить торг на Урупe»⁵. Торговлю предписывалось вести через «мохнатых курильцев», что позволило бы добывать японские товары, обменивая их на российские.

26 июля 1803 г. экспедиция вышла из Кронштадта. Корабли «Надежда» и «Нева» зашли в Копенгаген, Фалмут, на остров Тенерифе, а затем взяли курс на Бразилию. 26 ноября 1803 г. суда впервые в истории русского флота пересекли экватор, 18 декабря подошли к берегам Южной Америки и сделали остановку в Бразилии. Далее они взяли курс на юг и, обогнув материк, вышли в Тихий океан. Сделав остановку у берегов Нукагивы, они достигли Гавайских островов, где разделились: Крузенштерн двинулся к Камчатке, а Лисянский — на Аляску. С Камчатки «Надежда» взяла курс на Японию.

26 сентября 1804 г. И. Ф. Крузенштерн доставил Н. П. Резанова в Нагасаки, однако после шестимесячного пребывания там он получил отказ от японского правительства в открытии торговли с Россией. Крузенштерн отмечал, что стремился покинуть Нагасаки как можно скорее, «радуясь сердечно, что освободились от такого народа, которой мог бы нас подвергнуть жестокой участи»⁶.

³ Там же.

⁴ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Ед. хр. 496. Л. 122–133; Оpubл.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. С. 74.

⁵ Там же.

⁶ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 года на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб: Морская типография, 1810. Ч. 2. С. 4.

17 апреля 1805 г. «Надежда» снялась с якоря и уже на следующий день, 18 апреля, в 5 часов утра покинула залив. Следующие три месяца до возвращения на Камчатку, Крузенштерн планировал исследовать западный берег Японии, побережье Кореи, западные берега о. Эдзо (Хоккайдо), Сахалин, Курильские острова, «отыскать остров Карафуто, который по японским картам должен находиться между Эссо и Сахалином»⁷, а также найти и определить устье реки Амура.

Описывая остров Эдзо, Крузенштерн отмечал, что он был покрыт густыми лесами и, скорее всего, не подходил для хлебопашества, а берега «по большей части неровны, частью каменисты, частью же песчаны»⁸. Он также отмечал, что даже на пригодной к жизни и казавшейся плодородной части острова он не обнаружил «никаких признаков населения, выключая севернейшую оконечность вблизи коей видели несколько рыбачьих хижин»⁹.

Как раз там, на северной оконечности острова Эдзо, произошла встреча русских с японским офицером, который убеждал их скорее уехать «ибо плохо всем будет, если в Мацумае узнают о их приезде»¹⁰. Интересно, что разговор их по-японски происходил посредством Резанова, который, как отмечает Крузенштерн: «без трудности» все переводил. Это стало возможным благодаря словарю, работу над которым непрерывно вел Н. П. Резанов. В результате разговора с японским офицером удалось узнать информацию об острове Карафуто:

«Удостоверяя нас о существовании острова Карафуто, прибавил он, что мы, коль скоро погода прояснится, увидим оный сами; потому что сей остров отделяется от Эссо проливом шириною только в 18 миль. Он упоминал еще о земле, лежащей к северу от Карафуто и отделяемой от оною узким проливом, но о сем он слышал только от других, а не узнал сам собою. О северной части Карафуто, Сандан здесь называемой, ни он, ни земляки его ничего не знали; впрочем, полагал он, что Карафуто должен быть менее в половину против Эссо. Южная часть острова, говорил он, известна Японцам совершенно; поелику японское правительство причисляет оную к своим владениям, и император содержит там, так же, как и здесь офицеров, своих смотрителей. Для большего нас в том уверения показал он на японской карте пристань, у которой находится будто бы японское селение, куда, по словам его, пошло вчерашнего дня судно. Он назвал потом еще четыре острова Кунашир, Чикотан, Итуруп и Уруп и говорил, что оные

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 50.

лежат на NO от Эссо и принадлежат японскому государству. Точно под теми же именами известны сии острова со времен Спанберга, и находятся на всех Российских картах; на иностранных же не показаны»¹¹.

Интересным представляется тот факт, что на страницах своего сочинения «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 года на кораблях “Надежда” и “Нева”», в примечании И. Ф. Крузенштерн пишет о том, что существование островов Кунашир, Шикотан и Итуруп «со времени путешествия Лаксмана в 1792 г., и лейтенантов Хвостова и Давыдова в 1806 и 1807 годах не подлежит более никакому сомнению»¹².

Крузенштерн подробно описывает внешность, жилища, нрав и обычаи айнов на острове Эдзо. Указывая на малолюдство айнов, он говорит о том, что коренные жители настолько «стеснены японцами», что на севере Эдзо насчитывалось всего восемь домов, в которых жило по десять человек в каждом.

«О названиях Эссо, Оку-Эссо и Матсумай получил я следующие известия. Начальные острова сих жители, которые известны у нас под именем курильцев мохнатых, называют себя айнами. Их ныне очень мало, и они живут между округами Нотцамбу и Акткис, и называют теперь одно только место своего жительства словом Эссо; японцы же весь остров именуют Матсумай. Вероятно, что прежде поселения здесь японцев занимали весь остров айны и конечно называли оный Эссо. После же усилившиеся японцы давали всем занятым ими здесь местам свои имена; почему подлинно имя Эссо и должно было уступить чуждому Матсумай, коим называется и главный здесь японский город. Айны стеснены настолько, что жилища их составляют округ маловажный, удержавший и поныне подлинное свое название. Если же они вытеснены будут вовсе, то и имя Эссо совсем уповательно истребится»¹³.

Таким образом, Резанов и Крузенштерн, к своему сожалению, узнают, что айны на о. Эдзо находятся под гнетом японцев, а строгие порядки японского правительства там настолько жестко соблюдаются, что японский офицер, находящийся на севере Эдзо, категорически отказывался принять подарки от русских, опасаясь, что за это непременно последует наказание. Описывая обязанности японских офицеров, Крузенштерн говорит о том, что единственной их работой было

¹¹ Там же. С. 53–54.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же. С. 55.

«смотреть за торговлей, производимой здесь японскими купцами с айнами»¹⁴.

13 мая 1805 г., после того как рассеялся густой туман, они увидели «берег Сахалина или японский Карафуту»¹⁵. «Надежда» взяла курс к заливу Анива, который, как отмечает Крузенштерн, также известен под именем «Терпение». Там, к своему удивлению, они увидели большое количество айнов — около 300 человек. Крузенштерн объясняет это тем, что время их пребывания совпало с сезоном рыбной ловли, и, скорее всего, японцы использовали в данном промысле не только сахалинских айнов, но и жителей берегов ближайших заливов.

Первая встреча с японцами состоялась утром 14 мая на японском судне в заливе Анива, где, как отмечает Крузенштерн, их приняли «весьма хорошо и угощали Саки (сакэ — О. К.), хлебом из сарачинской крупы и табаком»¹⁶. Следуя предписаниям Румянцева, Крузенштерн и Резанов пытались узнать интересующую их информацию о Сахалине. Отмечалось, что японцы были «весьма уstraшены» приездом русских и «с трепетом отвечали на вопросы посланника»¹⁷.

«Крайне любопытствовал я и здесь разведать о Карафуту. Первый вопрос мой касался сего предмета. Корабельщик отвечал мне, что остров сей очень велик и называется японцами Карафуту, природными же жителями онога айнами — Сандан, и что Карафуту и Сандан есть один и тот же остров; что он северной стороны сего острова сам собою узнать не имел случая, а слышал, что оная отделяется от матерой земли столь мелким каналом, что и его судно, имевшее в грузу 8 или 9 футов, пройти не может»¹⁸.

Таким образом, Крузенштерн делает вывод, что Сахалин, Карафуту и Сандан — это названия одного и того же острова на разных языках. Интересно, что на страницах отчета, который Резанов отправил 9 июня 1805 г. на высочайшее имя императора Александра I, мы также находим подробную информацию о представлениях японцев об острове Карафуту. «Южная часть японского острова Карафуту... означен между Матмаем и Сахалином, ... народ там тот же айно», — передает слова японцев Резанов, добавляя, что японцы уверяли его, что за северной частью Карафуту «лежит остров Сандан или Сахалин, который принадлежит не России, а маньчжурам». Далее Резанов от-

¹⁴ Там же. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Там же. С. 69.

мечает, что «отобрав сии сведения, поспешили мы выйти и нашли, что это остров Сахалин»¹⁹.

Относительно айнов Резанов отмечает, что «японцы подчинили их своему рабству» и что, «несмотря на превосходное число жителей, хотя японцев всего и судовских не более сорока человек было, но они ими управляют и один японец гонит пятьдесят на работу»²⁰. Описывая угнетенных японцами айнов, Резанов обращает внимание императора на необходимость скорейшего занятия Сахалина.

Крузенштерн, также отмечает важность данного места в качестве «безопасного пристанища», которое могло бы служить «для складки европейских товаров» и дальнейшей транспортировки их в том числе и на Камчатку.

«Сим образом заведение торговли с японцами, корейцами и китайцами могло бы произведено быть всего удобнее. Сии народы приходили бы тогда на судах своих в залив Анива сами, для мены их товаров на европейские. Они сверх того произведения свои стали бы менять особенно на рыбу и пушной товар, как на такие вещи, которые сделались для них необходимыми, и которые можно промышлять здесь в великом изобилии»²¹.

Крузенштерн говорит о том, что торговля «северных жителей Японии с карафутскими айнами есть великой важности, потому что главнейшая их жизненная потребность состоит в рыбе, привозимой с этого острова»²², и что японское правительство присвоило себе монополию на данную торговлю несколько лет назад. В доказательство того, что японские поселения появились относительно недавно, говорит и тот факт, что все строения были новыми. Японское поселение «состояло из нескольких домов и восьми новых амбаров»²³, — отмечал Крузенштерн.

Он утверждал, что овладение Анивой не составит большого труда, ибо у японцев отмечается крайний недостаток в оружии и они не смогут оказать сопротивление. Поселение европейцев на Сахалине он видит как «единственное средство к участию в японской торговле»²⁴. Отмечая, плохое воинское вооружение, Крузенштерн уверенно говорит о том, что «овладение Анивой не сопряжено ни с малейшей

¹⁹ АВПРИ. Ф. СПбГА I-7. Оп. 6. 1802 год. Д. 1. Папка 37. Л. 267.

²⁰ Там же.

²¹ Крузенштерн И. Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 74–75.

²² Там же. С. 70.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Там же. С. 77.

опасностью. Я уверен, что оно не стоило бы ни одной капли крови»²⁵. Интересно отметить, что Крузенштерн утверждает, что данные действия должны быть предприняты только с согласия местных жителей — айнов, «которые, едва ли выиграли что-либо при такой перемене»²⁶.

С одной стороны, Крузенштерн так же, как и Резанов, отмечает факт использования айнов японцами, сообщая о том, что японцы «употребляют для чищения и сушения»²⁷ рыбы в своих селениях более четырехсот айнов. С другой стороны, он утверждает, что японцы, по его мнению, поступают с айнами «человеколюбиво» и что европейцам также не следует «похищать их свободу»²⁸.

Крузенштерн, считая необходимым познакомить читателя со своими примечаниями о природных жителях Эдзо и южной части Сахалина, отмечает, что «народ сей, столь мало знаемый европейцами, заслуживает, чтобы сделать известными, по крайней мере некоторые отличительные их свойства»²⁹.

Более того, Крузенштерн признается, что считает айнский народ «лучшим из всех прочих, которые донныне мне известны»³⁰. Причиной этого стали те наблюдения, которыми Крузенштерн делится на страницах своего сочинения. Его до глубины души удивило «счастливое согласие», которое царило в айнских семьях. «Находившись несколько часов в оном, не могли мы никак узнать главы семейства. Старейшие не изъявляли против молодых никаких знаков повелительства»³¹, — отмечает Крузенштерн. Удивило также и отсутствие громких разговоров, неумеренного смеха и споров. Подобное согласие, скромность и кротость нравов, по мнению Крузенштерна, не могло не привлечь «к ним любовь путешественников».

«Собственное имя жителей острова Эссо есть айн. Сим же именем называются и южные сахалинцы. Их рост, одеяние, образ лица и язык доказывают, что они оба одного происхождения. Итак, все сообщаемое мной об айнах относится как до жителей Эссо, так и южной части Сахалина. Они должны составлять тот самый народ, которой со времени Шпангберга называется мохнатыми курильцами»³².

²⁵ Там же. С. 77.

²⁶ Там же. С. 78.

²⁷ Там же. С. 76.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Там же. С. 79.

³⁰ Там же. С. 86.

³¹ Там же. С. 86.

³² Там же. С. 79.

Подобные рассуждения относительно айнского языка стали возможны благодаря наблюдениям Н. П. Резанова, который занимался составлением словаря не только японского, но и айнского языка.

Крузенштерн называет распространенную в то время информацию о мохнатости айнов, из-за чего в России их стали называть «мохнатыми курильцами», преувеличением и опровергает ее собственными наблюдениями. Он отмечает, что «в заливе Анива смотрел у многих грудь, руки и ноги, и удостоверился так же, как и на Эссо, что большая часть айнов не более имеют на теле своем волос, как некоторые и из европейцев»³³.

Крузенштерн описывает айнов исключительно с положительной стороны, утверждая, что народ этот добросердечный, с высокими нравственными устоями, и это определенно выделяло их из ряда диких народов.

«Айны более всего отличаются добросердечием, изображающимся ясно в чертах лица их. Примеченные нами поступки их подтверждали то совершенно. Игра их лиц и телодвижение при первом взгляде предубеждают в пользу их нравственности. Хищничество, общий порок диких народов южных островов восточного океана, им совсем чуждо»³⁴.

Описывая внешность айнов, Крузенштерн делает особое замечание о том, что местные женщины не отличались особой привлекательностью.

«Айны среднего и все почти равного роста; не выше 5-ти футов и 2 или 4 дюймов; цвет лица так темен, что близко подходит к черному, борода густая и большая, волосы черные и жесткие, висящие к низу, по которым, выключая бороду, походят на камчадалов; но только черты лица их гораздо правильнее. Женщины чрезвычайно безобразны: весьма темный цвет их, черные, как уголь, чрез лицо висящие волосы, синие губы и насеченные на руках изображения при не чистом и не опрятном одеянии не удобны к тому, чтоб они могли понравиться»³⁵.

При этом Крузенштерн отдельно отмечает застенчивость айнских женщин залива Анива, которые даже на минуту не выходили из своих хижин. Предполагая, что причиной такого поведения могли быть ревность их мужей и родительская бдительность, он находит необходимым указать на то, что женщины там казались красивее, а лица

³³ Там же. С. 88.

³⁴ Там же. С. 80–81.

³⁵ Там же. С. 79–80.

их белее. Крузенштерн также отмечает, что айны не носили украшений. Женщины, даже самые молодые, красили губы «синей краской, чрез что европейцу, привыкшему любоваться цветом розовым, кажутся очень отвратительны». У айнских мужчин были серьги «состоящие в простых кольцах из желтой меди»³⁶.

Крузенштерн делает замечание о том, что на Сахалине им удалось найти несколько айнских жилищ, в одно из которых их пригласили пройти внутрь и «приняли ... весьма ласково и не оказали ни боязни, ни дикости»³⁷. Подробно описывая жилища айнов, Крузенштерн предполагает, что у них было два вида хижин: для летнего и зимнего проживания.

«Нашли мы несколько айнских хижин, сделанных из коры древесной, похожих видом на солдатские палатки. Две из сих хижин покрыты были японскими рогожами, из коих в одной приметили много спрятавшихся женщин. Нельзя думать, чтоб сии бедные хижины были и зимним жилищем в таком суровом климате. Оные, конечно, временные, летние; зимние же, уповательно, находятся от берега гораздо далее, куда проложены многие тропинки. Айны оставляют, может быть, на лето зимние свои жилища, и селятся на сие время для рыбной ловли ближе к берегу»³⁸.

Описывая же жилища айнов, которые им удалось посетить на северной оконечности Эдзо, Крузенштерн делает предположение, что те были предназначены для круглогодичного проживания и были гораздо лучше домов камчадалов, алеутов и жителей Кадьяка.

«Две нами виденные состояли из одной большой избы с сенями, в близости коих находились сушильни для рыбы. Сии жилища построены, однако, некрепко и непрочны. Если оные не покрываются снегом так же, как в Камчатке, то конечно крайне холодны во время жестоких зим, каковым непременно здесь быть должно... Посреди избы стоял великой очаг... Домашние вещи были: большая кровать, покрытая японской рогожей, несколько сундуков, бочонков и кадок. Вся их посуда японской работы и большая часть лакированная... Великий запас полуочищенной рыбы, хотя и противен несколько для зренья и запаха, однако нужен им, поелику составляет их пищу и богатство. Жилища их по большей части рассеяны по берегу. Мы не приметили ни малейших следов земледелия, даже и никаких овощей огородных. Нигде не видали мы ни дворовых птиц, ни других животных»³⁹.

³⁶ Там же. С. 82.

³⁷ Там же. С. 72–73.

³⁸ Там же. С. 72–73.

³⁹ Там же. С. 83–84.

Крузенштерн, отмечая, что айны не держали практически никаких животных, говорит о том, что видел у них только собак, которых айны, скорее всего, использовали для перемещения на санях в зимнее время года. Он также упоминает «молодых медведей», которые, как отмечает, Крузенштерн, были дороги айнам и являлись «сочленами целого семейства»⁴⁰.

Имея возможность сравнить айнов на Сахалине и Эдзо, Крузенштерн отмечает, что сахалинские айны были одеты более богато и имели «вид, изъясняющий свободу и довольство». Крузенштерн делает предположение, что причиной этого могла «быть независимость от японцев».

«Одеяние айнов состоит по большей части из кож дворовых собак и тюленей. Я видел некоторых однако и в другом платье, подобном камчадальской парке, которая не иное что есть, как просторная рубашка, надеваемая сверху на нижнее платье. Жители берега Анивы одеты были все в шубы. Сапоги свои делают они из кож тюленьих. Женское платье вообще из оных же. На берегу залива Румянцева видел я двух женщин, из коих на одной была медвежья, а на другой собачья шуба; на прочих же платье из желтой грубой ткани из басты, в чем удостоверились мы в их хижинах; у некоторых обшито было оно сукном синим. Под сим верхним платьем носят они другое тонкое из бумажной ткани, вымениваемой вероятно у японцев. Здесь не видал я ни на ком сапог, каковые носят жители анивского берега. Вместо оных употребляются всеми японские соломенные туфли. Некоторые только надевают короткие чулки, сшитые из той же грубой ткани, из коей их верхнее платье, прочие же все ходят в одних туфлях, не прикрывая, впрочем, ничем ног своих. ... Теплых шапок не видал я ни на одном; большая часть не покрывают ничем головы своей, на некоторых только были соломенные шляпы, имеющие вид конуса»⁴¹.

25 мая 1805 г., после описания юго-восточного и восточного берегов Сахалина и залива Терпения, «Надежда» вернулась на Камчатку⁴². Таким образом, в ходе экспедиции 1803–1806 гг., помимо географических измерений и уточнения положения островов на карте, И. Ф. Крузенштерн осуществил подробное описание внешнего вида,

⁴⁰ Там же. С. 84–85.

⁴¹ Там же. С. 81.

⁴² В июле 1805 г. после посещения Камчатки Крузенштерн дал описание Курильских островов от о. Шумшу до о. Расшуа, возобновил исследование побережья Сахалина, подчеркнув ошибочность убеждения некоторых ученых в том, что он состоит из двух островов. Мелководье и туман не позволили Крузенштерну пройти проливом между Сахалином и материком, в результате чего было выдвинуто неверное предположение о том, что водный коридор между Сахалином и материком отсутствует.

обычаев и нравов айнов. Он утвердился в мысли, что коренные жители Сахалина и Курильских островов не имеют ничего общего с дикими народами. Также, убедившись в малолюдстве японцев и отсутствии у них возможности военного сопротивления, он отметил важность занятия залива Анива. Именно здесь следовало производить торговлю с айнами, которые, по его мнению, были более независимы от японцев, чем на Эдзо, да и выдворить только что построивших свои поселения практически безоружных японцев не должно было составить особой проблемы. В связи с этим началась важнейшая работа по составлению айнского словаря, который бы позволил общаться с местными жителями и вести там торг без японских посредников.

В 1805 г. Н. П. Резанов начал работать над составлением двух словарей: японского и айнского языков. «Словарь японского языка»⁴³ состоит из шести переплетенных между собой тетрадей из 119 листов, 111 листов из которых занимает словарь японского языка, а восемь — айнского. По-видимому, из-за разности в объёме данных словарей, Резанов называет часть словаря, посвященную айнскому языку «Собранием слов Языка народа Аино», которое служит «приобщением» к словарю японского языка. Более того, далее он поручает продолжать работу над составлением словаря айнского языка лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову.

Экспедиции Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова на Сахалин и Курильские острова (1806–1807)

На Камчатке происходит первая встреча Резанова с лейтенантом флота Н. А. Хвостовым и мичманом Г. И. Давыдовым, находившихся на службе Российско-Американской компании. Резанов по собственной инициативе решает отправиться вместе с ними в Америку с целью проверки состояния российских колоний, о чем пишет императору Александру I: «Я бросаю себя в край сей и готов питаться сивучками⁴⁴ и ракушками, лишь бы только вынесли силы мои, и мог я принести Вашему Величеству пользу»⁴⁵. В том же письме он обращает внимание императора на необходимость освоения острова Сахалин и на то, что «губа Анива требует весьма скорого заселения»⁴⁶. Резанов под-

⁴³ Архив востоковедов ИВР РАН. Р. I. Оп. 4. Ед. хр. 3. Полное название словаря: «По российскому алфавиту собранный двора Его Императорского Величества действительным камергером, Императорских Санкт-Петербургских Академий наук и кавалером Николаем Резановым и в бытность его в Японии исправленный и умноженный с приобщением собрания слов народов Аино, на островах Матмай, Сахалин и Курильских обитающих».

⁴⁴ Видимо, речь идет о сивучах, морских львах или морских котиках.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. СПбГА I-7. Оп. 6 (1802 г.). Ед. хр. 1/37. Л. 268 об.

⁴⁶ Там же.

черкивает, что «для России же место сие не только нужно, но и необходимо»⁴⁷.

Во время совместного плавания с Хвостовым и Давыдовым в Америку⁴⁸ Резанов лично удостоверился в плачевном экономическом состоянии российских колоний. ...»⁴⁹. Резанов был готов пойти на крайние меры и «пограбить тамошние (японские — О. К.) магазины» на Сахалине, чтобы спасти «от гибели край, ибо, как слышно, и кормов на Кадьяке⁵⁰ заготовливать некому, а на Ситке⁵¹ с голоду умирают»⁵².

Н. П. Резанов строит план экспедиции на Сахалин и сообщает о своих намерениях в Петербург. Ответа ни на одно из своих писем он не получает, но продолжает планировать экспедицию, слать отчеты императору и министрам.

27 июля 1806 г. «Юнона» под командованием лейтенанта Хвостова с Резановым на борту и «Авось» под командованием мичмана Давыдова покинули Ново-Архангельский порт⁵³ и направились к Сахалину. Еще перед отправлением из Новоархангельска 25 июля 1806 г. лейтенант Хвостов предписывает мичману Давыдову осмотреть 16-й остров Курильской гряды (Симушир — О. К.) и «как наивозможно ласкать сахалинцев»⁵⁴. Относительно японцев инструкции были очень размыты: говорилось лишь, что если «силы наши будут так велики исполнить известное вам дело, по положенному плану его превосходительства, для исполнения которого вскоре дам вам предписание».

Однако в начале августа из-за разности хода судов «Юноны» и «Авось» Резанов в очередной раз был вынужден поменять план. Давыдову он предписывает идти прямо к Курильской гряде, а Хвостову — отвезти его в Охотск для дальнейшего отправления в Петербург, а потом соединиться с Давыдовым на Сахалине⁵⁵. 8 августа 1806 г. Резанов, находясь под парусами на судне «Юнона», составляет секретную инструкцию о плавании к Курильским островам и Сахалину.

В ней он предписывает обозрение «18-го Курильского острова Урупа..., гавани на северной стороне 16-го Курильского острова».

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Плавание началось 14 июня 1805 г., когда Резанов с Хвостовым и Давыдовым оправился в Америку из Петропавловского порта. 27 июля 1806 г. после посещения о. Ситки, о. Кадьяк и Калифорнии они покинули Ново-Архангельский порт и взяли курс на Сахалин.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Ед. хр. 173. Л. 2.

⁵⁰ Кадьяк — остров у южного побережья Аляски.

⁵¹ Остров Ситка (Ситха) — ныне о. Баранова у побережья Аляски.

⁵² АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Ед. хр. 173. Л. 2.

⁵³ Ныне г. Ситка в Аляске, на острове Баранова.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 4671. Л. 9–10.

⁵⁵ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 4671. Л. 13.

Исполнение же данных инструкций имели целью достижения «выгодной для нас торговли с Японией». Сахалин был выделен отдельным пунктом и был «значащим к сему плану предметом». Лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову предписывалось войти в губу Анива и истребить японские суда, здоровых людей взять с собой, а «неспособных» отправить в Мацумаэ, предупредив их, чтобы они Сахалин «как российского владения, посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга, к которому всегда россияне готовы будут»⁵⁶.

Особый интерес представляют инструкции Резанова относительно айнов. Из них мы видим, что главной целью было «обласкать», «привлекать ласками», принять под свою защиту местных жителей — то есть принять их в российское подданство, а также «произвести с ними мену, чтобы узнать образ оной». При этом предписывалось делать вред японцам «истреблением судов их, но всюду сколько можно сохранять человечество»⁵⁷.

У Алеутских островов два судна расстались: Давыдов, следуя инструкции Резанова и указаниям, полученным от Хвостова, направился к Курильской гряде, а Хвостов с Резановым на борту — к Охотску.

Резанов менял план экспедиции шесть раз, то решая отправиться в Петербург для отчета, то с Хвостовым и Давыдовым — на Сахалин. Однако, по прибытии 15 сентября того же года в Охотский порт он получает сведения из Петербурга. Именно там 24 сентября Резанов снова меняет весь план и противоречиво отменяет всю экспедицию. «Оказавшийся перелом в фок-мачте, противные ветры нам в плавании препятствовавшие, и самое позднее осеннее время обязывают вас теперь поспешать в Америку»⁵⁸, — пишет Резанов. Предписывая Хвостову немедленно отправиться в Америку и отменяя все ранее предписанное, он отмечает, что «ежели ветры без потери времени обяжут вас зайти в губу Аниву, то старайтесь обласкать сахалинцев подарками»⁵⁹.

Крайне удивленный «двоесмыслием находящимся в дополнении», в течение нескольких часов Хвостов не снимался с якоря, решаясь куда направиться. Однако «мысль, что фок-мачта моя надежна, что невозможно было тринадцать месяцев готовить даром два судна и беспрестанно твердить о сем предприятии, и что тендер Авось

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ед. хр. 2944. Л. 38–41. Заверенная копия. Опул.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. С. 150–154.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 157.

⁵⁹ Там же.

должен не зная сего находится в Аниве и приступить один к исполнению»⁶⁰, заставила Хвостова отправиться в путь и совершить первую экспедицию.

Согласно архивным данным, Хвостов во время своей первой экспедиции на Сахалин в 1806 г. совершил три остановки, которые он подробно описал в вахтенном журнале⁶¹. Первое поселение он оставил без названия, а два последующих назвал «Сумнение» и «Любопытство». Интересно, что в японских источниках упоминаются только два последних поселения, называемых «Офитомари» (オフイトマリ) и «Кусюнкотан» (クシユンコタン).

К первому поселению, которое располагалось на восточной оконечности мыса о. Сахалин, Хвостов причалил 6 октября 1806 г. Однако из-за плохих погодных условий он смог выйти на берег только на следующий день, 7 октября. Именно тогда произошла его первая встреча с коренными жителями Сахалина айнами:

«По приезде на берег встретили нас пять человек сахалинцев, все старше не менее пятидесяти лет, с первого нашего шагу старались мы им пантомимами показать нужду нашу в воде, из-за юрт выглядывало много людей, я старался узнать чрез лексикон, где их селение, но они, как будто боясь, не отвечали»⁶².

На берег Хвостов высадился с группой из 18 человек. Четверых он отправил за водой, а троих, в том числе лейтенанта Карпинского, взял с собой в поселение айнов. Остальных оставил на баркасе «с тем приказанием, что ежели они услышат выстрел, бежали бы в ту сторону»⁶³.

«Островитяне проводили нас на самое возвышенное место в юрту, которая была более всех, тут нашел раскладенных два огня, около которого сидели пятнадцать человек мужчин, шесть женщин и несколько ребятишек; на лавках, которыми окружена была вся юрта, стояли в углах большие японские лакированные шкатулки и разная посуда, насыпанная пшеном; мы расположились с ними около огня на японских матрацах; сначала старались узнать, не было ли здесь недалеко какое судно, но сколько могли понять, то они не видали. Потчевали нас юколой и сушеными морскими червяками, у айнов называемых *уть*. Одарил своих хозяев капотами, бисером, ножницами, лентами и табаком, после чего они сделались гораздо смелее и проводили

⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Канц. III отдел. Ед. хр. 3666. Л. 32 об.

⁶¹ Экстракт из журнала фрегаты Юноны, плавания от Охотска в губу Анива и обратно в Камчатку Гавань Петра и Павла (РГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 183).

⁶² Там же. Л. 3.

⁶³ Там же.

меня до гребных судов, и я ни малого не хотел дать им подозрения, что нужно знать мне селение японцев. Распрощавшись, поехали на судно»⁶⁴.

Не обнаружив в поселении айнов японцев, Хвостов приступил к исполнению инструкции Резанова от 8 августа 1806 г., в которой тот предписал Хвостову уверить сахалинцев, что «принадлежат они такому монарху, под защиту которого всегда спокойными должны быть; отличить старшин медалями, ... капотами... и другими вещами...»⁶⁵, что Хвостов и сделал. На следующий день, 8 октября 1806 г., он с лейтенантом Карпинским и корабельным подмастерьем Корюкиным снова отправился на берег. Хвостов подарил старшине селения лучший капот, медаль на Владимирской ленте и вручил грамоту следующего содержания:

«1806 года Октября ... дня российский фрегат «Юнона» под начальством флота лейтенанта Хвостова, в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под все милостивейшее покровительство Российского Императора Александра Первого, старшине селения, лежащего на восточной стороне губы Анивы, пожалована серебряная медаль на Владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно как российское, так и иностранное, просим старшину сего признавать за российского подданного»⁶⁶.

Хвостов вновь пытался получить информацию о японских поселениях и способах их торговли с местными жителями: «Я спрашивал айнов, как называется сия губа, они отвечали Карафуто, на вопрос, где живут японцы, показывали на второй мыс, который лежал от нас на румбе NWtN, смеялись, показывая на наше судно, давали знать, что надо их бить»⁶⁷.

Ко второму поселению Хвостов причалил 9 октября 1806 г. На берег он послал Карпинского и Ильина с указаниями, «что ежели нет тут японцев, то одарить жителей, а если есть, то стараться обойтись как можно ласковее и скорее возвращаться на фрегат»⁶⁸. Карпинский и Ильин посетили два селения, в которых видели айнов — «стариков и ребятишек», обнаружили три японских сарая, раздали айнам подарки и вернулись на фрегат. Хвостов, получив сведения о том, что япон-

⁶⁴ РГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 3об.

⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ед. хр. 2944. Л. 38–41. Заверенная копия. Опул.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. С. 151–154.

⁶⁶ РГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 4.

⁶⁷ Там же. Л. 4об.

⁶⁸ Там же. Л. 5.

цев в поселении нет, на следующий день, 10 октября, высадился на берег с одиннадцатью вооруженными людьми.

Как и в первом селении, Хвостов раздал подарки, надел медаль на старейшего айна. Русские обедали на берегу вместе с айнами, давали им стрелять из ружья и бить в барабаны, в общем, судя по словам Хвостова, весело проводили время и наслаждались общением. Конечно, не обошлось и без казусов. Когда одна девушка, услышав звук барабана, стала «делать разные кривляния»⁶⁹, Хвостов стал успокаивать её, гладя по голове, то другой айн с ножом бросился ей на помощь. Однако ситуацию удалось уладить и избежать столкновения.

На юрте старшины селения была прибита медная доска с надписью: «1806 года октября 10 дня, Российской фрегат Юнона был здесь, селение назвал Сумнением». Хвостов раздал айнам подарки и велел беречь эту доску. В 4 часа пополудни все отправились на фрегат. Хвостов отмечает, что «на фрегат взял с собой одного молодого человека из айнов, с тем намерением, чтобы показать, что мы расположены к ним дружески, и чтобы они смело всегда приезжали к нам»⁷⁰.

По словам Хвостова, молодому айну очень понравилось быть на борту «Юноны». Хвостов пытался вести с ним беседу, прибегая к помощи словаря, который начал вести Резанов и передал Хвостову, поручив продолжить его составление: «Вечеру одели сахалинца в панталоны, фуфайку и сюртук, и надел я на него медаль, он более казался быть довольным сим подарком, нежели бы мы всеми сокровищами. Старались от его узнать сахалинский язык, он рассказал нам, что в семи селениях множество людей, а также и пшеница, жаловался на японцев, что они их бьют больно, а после мы видели много из них увечных и раненых саблями; кажется, что японцы, с добронравными айнами обходятся не милосердно»⁷¹.

Третье поселение Хвостов называет «Любопытство». В японских источниках оно известно под именем «Кусюнкотан». Хвостов прибыл туда 10 октября 1806 г., но из-за того, что время было уже позднее, отложил высадку на берег до следующего дня. В селении на берегу русские встретили четверых японцев. В японских источниках приведены их имена: Торидзо 酉蔵, Гэнсити 原七, Томигоро 富五郎 и Фукумацу 福松. Те уже были предупреждены о приближении чужеземцев одним айном, который прибежал из соседнего селения Офитомари.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 5об.

⁷¹ Там же. Л. 6.

На следующий день Хвостов совершил высадку на берег в сопровождении 21 члена команды. Все они были вооружены. Штурману Ильину, который оставался на фрегате, Хвостов приказал: «ежели услышит хотя один ружейный или фолнанетной выстрел, то в то же время прислать на берег медную десантную пушку с снарядами и большим числом людей, на оставшемся при фрегате яле»⁷². К складам Хвостов отправился только с Карпинским и Корюкиным.

В данном поселении по приказу Хвостова были схвачены и отправлены на «Юнону» трое японцев. Одного оставили на берегу с тем, чтобы он показал и открыл все склады, после чего он также был отправлен на русское судно. В журнале Хвостова описано, как айны дружно помогали русским грузить все из складов на лодки и переправлять на русское судно. Каждый раз, когда они причаливали на лодках к фрегату, их угощали водкой, маслом и сухарями, «первое, как кажется, больше им нравилось»⁷³. Лейтенант Карпинский щедро одарил старшину селения и «надел ему медаль на шею при трех пушечных выстрелах»⁷⁴, после чего айны стали помогать русским еще усерднее. 16 октября 1806 г. Хвостов отправился на «Юноне» вместе с захваченными им в плен четырьмя японцами в Петропавловский порт. На этом закончилась его первая экспедиция на Сахалин и началась подготовка ко второй.

Во время своей первой экспедиции Хвостов занимался также важными географическими измерениями и составлением карт. Он высказал мнение о том, что Сахалин — это не полуостров, как считалось в то время, а остров, отделенный от материка проливом⁷⁵: «...Я же, быв на острове Сахалин, полагаюсь на мысль японцев-островитян, которые под словом Сандан разумеют имя народу, а не проливу... Японцы почитают их принадлежащими китайцам...; думаю, что Санданом ещё и пролив называют тот, который отделяет Сахалин от материка. Что же касается до всего острова Сахалина, то неверность положения оногo на всех картах доказывает плавание наше от Охотского порта»⁷⁶.

8 ноября 1806 г. Хвостов на судне «Юнона» вошел в Петропавловский порт, где встретился с Давыдовым, который там зимовал. Здесь они разработали план второй экспедиции на Сахалин. Вторая

⁷² Там же. Л. 6.

⁷³ Там же. Л. 7об.

⁷⁴ Там же. Л. 8.

⁷⁵ В XVII–XVIII вв. считалось, что Сахалин — это остров, но в ходе своих плаваний Лаперуз в 1787 г., Броутон в 1796 г. и Крузенштерн в 1805 г. ошибочно предположили, что Сахалин является полуостровом.

⁷⁶ РГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 12–12об.

экспедиция началась 4 мая 1807 г. Именно в этот день «Юнона» и «Авось» покинули Петропавловский порт и взяли курс на Курильские острова. Спустя две недели, 19 мая 1807 г., на о. Итуруп происходит первая встреча Давыдова с японцами. Интересно, что Давыдов, которому предписывалось «истреблять поселения» японцев и «обращаться с ними как с неприятелями», отмечает, что радушный прием, которые оказали ему японцы, отклонил его от «неприятельского» к ним поступка.

Давыдов оставил едкие замечания относительно отношения японцев к айнам. На страницах своего «Журнала путешествия Американкой компании тендера “Авось” в 1807 году, под командою мичмана Давыдова»⁷⁷ он отмечает о поселении, что «заведение сие сделано было для соления рыбою, работы отправлялись курильцами, а малое число японцев надсматривали только над ними»⁷⁸. В этом же поселении произошла и первая встреча мичмана Давыдова с местным населением, которых он называет «курильцами».

Описывая японское поселение, Давыдов отмечает, что его поразили чрезвычайная чистота жилищ, магазинов для хранения леса и припасов, а также всей территории поселения: «Дом их весьма прост, но чистота чрезвычайна, место стекол занимала бумага, напитанная, кажется, маслом, пол услан весьма чистыми рогожами, а в середине находилась кухня»⁷⁹.

Следующее поселение, в котором была сделана очередная высадка на берег 24 мая 1807 г., находилась в губе Шана (Сяна) на о. Итуруп. Оно больше первого поразило мичмана Давыдова своей чистотой и приспособленностью к комфортному там проживанию. Следует отметить, что именно в данном поселении между японцами и русскими произошел вооруженный конфликт и данная запись была сделана после того, как японцы были вынуждены отступить.

В «Журнале» можно найти многократные упоминания о пристрастии японцев к сакэ. Так, описывая поселение в Сяна, Давыдов говорит о том, что обнаружил отдельное строение, полностью приспособленное для производства данного горячительного напитка, а основное занятие японцев, по его словам, был надзор над курильцами, курение табака и употребление сакэ. «Пребольшой сарай занят был только машинами для делания саги, а количество оной, найденное

⁷⁷ Отдел рукописей РНБ. Q.IV.430. Инв.6017. № 29.

⁷⁸ Там же. Л. 5об.

⁷⁹ Там же. Л. 5об., б.

здесь, показывает или большое количество живущих людей, или развращенность японцев»⁸⁰, — делает вывод Давыдов.

Помимо описания японцев на страницах «Журнала» Давыдова можно найти ряд интересных заметок относительно жизни и обычаев айнов. Так, Давыдов пишет: «Японцы называют айнами коренных жителей Матмая, Сахалина и южных Курильских островов, как и сами они себя именуют. Думаю, что слово сие принадлежит к коренному языку сих народов, который у всех их совершенно почти одинаков»⁸¹.

Следует отдельно отметить, что Давыдов составил словарь айнского языка, в котором указал различные диалекты, а также перевод каждого слова на немецкий и русский языки. Скорее всего, именно с помощью данного словаря Давыдову удалось выяснить информацию о том, как живут айны, о путях их перемещения по островам, и о том, с кем и как они ведут торговлю. Также мичману удалось выведать важную информацию о том, что «айны переезжают с одного острова на другой для торговли, и с Матмая ездят на Уруп для покупки выдр морских и орлиных перьев. Бобров продают японцам, кои отправляют их в Нангасаки для промену китайцам»⁸². Интересно, что Давыдов пытается узнать обычаи местных жителей и даже способы охоты айнов, во время которой они в основном использовали стрелы.

На страницах своего «Журнала» Давыдов делает заметку о том, что айны привлекались японцами к рыбной ловле и отмечает, что они «находят прибыточнее употреблять айнов на промысле рыбы нежели зверей»⁸³. По словам мичмана Давыдова, местные жители, как и японцы, являлись приверженцами алкогольных напитков. «Айны любят пьяные напитки и в Аниву только привозили около 300 бочонков; каждый от 3¹/₂ до 5 ведер; сверх же сего японцы на месте сами делают оной весьма много»⁸⁴, — пишет он. При этом Давыдов критично отмечает, что японцы, почитая «себя на сих островах совершенными господами, для коих и малейший труд постыден»⁸⁵, безжалостно эксплуатируют бедных айнов; «курят только табак и пьют саги»⁸⁶.

Мичман Давыдов четко следует инструкции Резанова, согласно которой было необходимо выяснить информацию о том, «какие получают звери, на какие товары меняют, куда сбывают мягкую рухлядь, в

⁸⁰ Там же. Л. 13об.

⁸¹ Там же. Л. 19–19об.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Л. 19об.

⁸⁴ Там же. Л. 20об.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

каком количестве какой зверь у них расходиться может»⁸⁷. Более того, Давыдов узнает ценную информацию о количестве жителей и поселений на Курильских островах и пишет о том, «что на северных Курильских островах весьма мало жителей, на южных же более; но и там количество оных весьма мало значаще, в сравнении с пространством земли ими занимаемой»⁸⁸.

Мичман Давыдов справедливо отмечает, что «для прочной торговли с Японией конечно нужно иметь гавань близ берегов оной»⁸⁹, однако, тут же с горечью констатирует, что подходящего места им отыскать не удалось. Давыдов предполагает, что очевидное «укоренение японцев в сих местах» было вызвано определенной необходимостью. Он также продумывает «путь для притеснения сей гордой империи»⁹⁰, говоря о том, что «промыслы рыбные отправляемые на оных [островах — О. К.] суть великой важности для сей империи, и что неимение оных будет для ней весьма чувствительно»⁹¹.

28 мая 1807 г. на острове Итуруп лейтенант Хвостов отпускает одного тяжелобольного японца, предварительно передав ему письмо, адресованное японскому правительству. 29 мая 1807 г. «Юнона» и «Авось» находились недалеко от мыса о-ва Итуруп, а перед наступлением темноты подошли к южному мысу о-ва Уруп. 30 мая 1807 г. никаких попыток высадки на берег предпринято не было.

31 мая, в 11 часов утра для того, чтобы выяснить информацию о Звездочетове и о русском поселении, с «Юноны» на Уруп был отправлен ял, так как «японцы между двумя высокостями на берегу, полагали быть селению русских и что на самом взморье похоронен Звездочетов»⁹². Давыдову на «Авось» в этот день удалось только приблизиться к берегу. Байдарку с подштурманом он смог отправить к берегу только на следующий день, 1 июня 1807 г.

От о-ва Уруп лейтенант Хвостов и мичман Давыдов направились к Хоккайдо. В российских источниках говорится, что они прошли мимо о-ва Кунашир, а 6 июня приблизились к мысу Сирэтоко на северной оконечности Хоккайдо. Однако японские источники свидетельствуют о том, что Хвостов не только прошел мимо о-ва Кунашир,

⁸⁷ Там же. Л. 19об.

⁸⁸ Там же. Л. 22об.

⁸⁹ Там же. Л. 18.

⁹⁰ Там же. Л. 16.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. Л. 21об. Имеется в виду поселение компании Г. И. Шелихова во главе с передовщиком В. К. Звездочетовым, основанное в 1795 г. на о. Уруп. См. главу, написанную В. Ю. Климовым.

но и, высадившись на берег, установил два столба на самом высоком месте⁹³.

7 июня 1807 г. «Юнона» и «Авось» вошли в губу Анива на Сахалине, бросили якорь в местечке под названием Аваанбэцу и остались там на ночевку. После этого Хвостов и Давыдов взяли курс на Офитомари, высадились там на берег, где сожгли один склад и один магазин. Японские источники также свидетельствуют о том, что там же, на Сахалине, морские офицеры устроили беспорядки в поселении Кусюнкотан, и сожгли девять складов в селении Руутака⁹⁴.

22 июня 1807 г. Хвостов обнаружил одно японское судно недалеко от Пик Де Лангль⁹⁵. Все 190 мешков риса, находившихся на нем, были перенесены на «Авось», а само судно сожжено. 25 июня в проливе между Пик де Лангль и Ребунсири⁹⁶ ими было обнаружено еще одно японское судно, с которого также были перенесены все товары, а само судно было потоплено на следующий день. Далее, 27 июня недалеко от поселения на Пик Де Лангль им по пути попались еще два японских судна, с которых они также перегрузили себе на суда все, что смогло поместиться. Плавание завершилось 16 июля 1807 г., когда оба судна вернулись в Охотск.

16 июля 1807 г. по прибытии «Юноны» и «Авось» в Охотск, Хвостов отправил рапорт начальнику порта И. Н. Бухарину, в котором оповестил о своем прибытии. Называя себя «начальствующим секретной экспедицией», Хвостов ни единым словом не упомянул о действиях, произведенных им на Сахалине и Курильских островах в 1806–1807 гг.

17 июля Бухарин арестовал Давыдова, а на следующий день, 18 июля, — Хвостова. 22 июля 1807 г. Бухарин попросил о помощи в расследовании этого дела у начальника Камчатки Петровского, отмечая, что «действия офицеров ставят под угрозу Камчатку и всю Российскую империю»⁹⁷, однако Петровский ввиду своего срочного отъезда на следующий день 23 июля на Камчатку, оказался не в состоянии принять участие в расследовании, которое в итоге продлилось более года.

⁹³ Цу:ко: итиран 通航一覽 (Свод записей о заходе в воды Японии иностранных кораблей). Токио: Тайдзанся 泰山社, 1940. Т. 286. С. 248.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Японское название Рисира 利尻, остров в Японском море, примерно в 20 км от северо-западного побережья Хоккайдо.

⁹⁶ Рэбун 礼文 — остров в Японском море, примерно в 45 км от северо-западного побережья Хоккайдо.

⁹⁷ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4671. Л. 142.

Решительную роль в исходе расследования действий Хвостова и Давыдова во время экспедиции на Сахалин и Курильские острова в 1806–1807 гг. сыграли рапорты и отчеты РАК и министра коммерции Румянцева, которые были заинтересованы в скорейшем занятии острова Сахалин. В них не было ни единого упоминания о дополнении к инструкции камергера Резанова от 24 сентября 1806 г., а действия лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова описывались исключительно с положительной стороны. Сами же экспедиции Хвостова и Давыдова назывались «подвигом». В итоге письма и увещевания министра коммерции Румянцева возымели успех, и уже через день, 9 августа 1808 г., император Александр I подписал именной приказ о «дозволении Американской компании учредить свои заселения на острове Сахалине»⁹⁸.

Следует отметить, что министр морских сил П. В. Чичагов (1767–1849) был против скорейшего заселения Сахалина и говорил «о ненужности острова Сахалина к занятию Морским департаментом»⁹⁹. В рапорте на имя императора он указывал на то, что действия лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова были самовольными и «основаны были на собственных их видах». «Ничто не может извинить их»,¹⁰⁰ — утверждал он.

В итоге, несмотря на новые доказательства, представленные в рапорте Чичагова императору, обратного пути уже не было. Единственным наказанием, которым вынужден был ограничиться Александр I — это невыдача медалей Хвостову и Давыдову за отвагу в войне в Финляндии. «Неполучение награждения за сражения в Финляндии послужит сим офицерам в наказание за своевольства против японцев»¹⁰¹, — гласил приказ императора.

В ходе двух экспедиций лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова на Сахалин и Курильские острова в 1806–1807 гг. были уточнены карты Курильских островов, получены сведения об айнах и их отношениях с японцами. Также был выявлен факт «укоренения» японцев на данной территории.

Более того, была продолжена важнейшая работа над составлением словаря айнского языка, которую начал Н. П. Резанов в 1805 г. Во время своей первой экспедиции на Сахалин в 1806 г. Хвостов составил сборник слов для «Словаря сахалинского языка, собранного в

⁹⁸ ПСЗРИ. Т. XL: Общее приложение к томам ПСЗРИ. С. 55. Опул.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. С. 195.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4667. Л. 32об–36.

¹⁰¹ Там же. Л. 37.

1806 году фрегатом «Юноною»¹⁰², общее количество которых составило 544. Далее, Хвостов предписывает Давыдову продолжить работу над словарем, что он и делает во время второй экспедиции в 1807 г.¹⁰³ «Сахалинский словарь» мичмана Давыдова насчитывает более 2000 слов.

Таким образом, работа над составлением словарей айнского языка велась безостановочно с 1805 по 1807 гг. В результате титанического труда Н. П. Резанова, лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова, количество слов увеличилось почти в десять раз: с двухсот до почти двух тысяч. Если в 1805 г. Резанову приходилось общаться с айнами посредством японцев и японского языка, а Хвостову в 1806 г. — с помощью «пантомим», то в 1807 г. Давыдову уже на айнском языке удалось выведать важную информацию о способе их торговли и перемещениях между островами. Помимо этого, удалось собрать информацию о разных диалектах айнов. Все это должно было способствовать установлению торговых отношений с айнами и тем самым поддержать российские колонии в Америке.

Экспедиция В. М. Головнина (1811–1813 гг.)

Следующая российская экспедиция к землям айнов была проведена талантливым ученым, исследователем и мореплавателем Василием Михайловичем Головниным (1776–1831). В 1811 г. Головнину было поручено произвести опись Алеутских и Курильских островов, Приморья до реки Уды, мыса Хабаров, Шантарских островов и астрономически определить их положение.

Еще 24 октября 1810 г. Адмиралтейский департамент составил инструкцию об «описании Курильских и Шантарских о-вов», где во всех подробностях были описаны цели, которые ставились перед Головниным, а также «все затруднения», которые могло ожидать запланированное плавание. Среди трудностей упоминались продолжительные туманы, «которые весьма часто покрывают сии острова», отсутствие возможности «достать глубины»¹⁰⁴ вблизи всех островов, а также сильные течения.

Особое внимание среди предостережений привлекает к себе информация относительно того, как следовало вести себя с японцами и

¹⁰² Отдел рукописей РНБ. Ф. 7. Аделунг Ф. П. №155, №41. Л. 3.

¹⁰³ Там же. Л. 35. «Сахалинский словарь. Сим же языком, или весьма малою только разностию говорят коренные жители Матмая и южных Курильских Островов, словом все народы имянуемые от японцов Айнами, коим именем и сами жители себя называют. Собран Гаврилою Давыдовым».

¹⁰⁴ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2498. Л. 12–18. Заверенная копия. Оpubл.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. С. 212–214.

коренными жителями островов — айнами: «Старайтесь как можно убегать всякого общения с японцами, в случае превосходства сил их, дабы они не отомстили вам за то, что учинила на северной части Эссо посланная камергером Резановым экспедиция под начальством лейтенанта Хвостова. Равномерно с жителями природными, называемыми айны, обходитесь вы как можно дружественнее как на острове Эссо, так и на Итурупе, Кунашире и Чикотане»¹⁰⁵, — говорилось в инструкции. Помимо всего прочего, Головнину предписывалось «составить словарь языка жителей как здесь, так и в других местах» для чего прилагались образцы словарей и экземпляры «путешествия г-на Крузенштерна и Давыдова». Интересно отметить, что в инструкции нет ни единого слова про попытку установления торговых отношений или пробы мены с местными жителями. Вместо этого мы находим неоднократные призывы к необходимой предосторожности, объясняющиеся тем, что данные острова «стоят под властью японцев».

В. М. Головнин, следуя предписанию «в начале мая месяца» выйти из Петропавловской гавани, прорубает лёд и 25 апреля выводит «шлюп из сей гавани в Авачинскую губу»¹⁰⁶, а 4 мая отправляется в путь. Интересно, что экспедиция Головнина отправилась из Петропавловска в тот же день, когда и лейтенант Хвостов с мичманом Давыдовым в свою вторую экспедицию на Сахалин и Курильские острова в 1807 г.

Головнин отмечает, что 17 июня 1811 г. состоялась его первая встреча с японцами. Он пишет о том, что «знал, что объявление японского правительства, сделанное Резанову, состояло в строгом запрещении русским судам приближаться к японским берегам». Относительно же действий лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова утверждал, что ему «достоверно было известно, что правительство не одобрило поступков Хвостова», однако, указывал и на то, что «если бы Резанов и Хвостов в живых находились, то, может быть поступки сего последнего были бы лучше объяснены», а в заключении пишет, что «об умерших кроме хорошего ничего говорить не должно»¹⁰⁷.

Головнин понимал, что действия лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова не могли не сказаться негативным образом на отношении японцев к русским. Поэтому, «получив повеление описывать южные Курильские острова» и понимая, что «некоторые из них заняты японцами», он пытался выяснить о действиях двух русских офицеров во

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Ч. 1. СПб: Морская типография, 1816. С. 13.

¹⁰⁷ Там же. С. 18.

время их экспедиций на Сахалин и Курильские острова в 1806–1807 гг. Он отмечает, что штурман, который был во время экспедиций с Хвостовым, уверял его «что оба их нападения на японцев походили не столько на войну просвещенного народа, сколько на самовольные поступки, и что японцы не имеют ни малейшей причины быть уверенны, чтобы такое на них нападение двух малозначащих судов, могло быть сделано по воле монарха великой сильной державы»¹⁰⁸. Однако несмотря на данные уверения, Головнин осознавал всю опасность ситуации и как он сам отмечает «не хотел никакого сношения, ни свидания». Ввиду чего он имел «намерение... плавать подле берегов тех островов, которые они занимают, не поднимая никакого флага, дабы не произвести страха и сомнения в подозрительных японцах»¹⁰⁹. Однако все пошло не по плану.

17 июня 1811 г. Головнин находился вблизи западной стороны северной оконечности о. Итуруп. По его словам, данная оконечность показалась им отдельным островом, и чтобы уточнить, имеется ли здесь пролив или залив, Головнин решился приблизиться к берегу. «Тогда увидели на берегу несколько шалашей, две большие лодки и людей, бегающих взад и вперед»¹¹⁰, — отмечает он и тут же делает предположение, что, возможно, это были курильцы. Сделав такой вывод, он направляется к берегу, чтобы собрать сведения о данном острове и «о других предметах, до нашего дела принадлежащих»¹¹¹. Предполагаемые курильцы оказались японцами. Из разговора с ними мичману Муру удалось выведать, что на острове были «несколько наших курильцев, ... занесенных сюда прошлым летом погодою, которых японцы, продержав около года в заключении, решились наконец освободить»¹¹².

Общение с японским начальником происходило посредством двух переводчиков: одним японцем, знавшим айнский язык и «других наших курильцев, умевших немного говорить по-русски»¹¹³. Уровень перевода оставлял желать лучшего, ибо Головнин часто с горечью пишет на страницах своих воспоминаний о том, что общаться «было трудно посредством таких плохих переводчиков, каковы были ку-

¹⁰⁸ Там же. С. 19.

¹⁰⁹ Там же. С. 19.

¹¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 22.

рильцы»¹¹⁴. Зачастую, они общались со своими сородичами и игнорировали просьбы Головнина о помощи в переводе.

Начальник селения сразу же предупредил, что торговать с русскими им запрещено и отправил их в главное селение острова. Головнин объяснил собеседникам, что цель их высадки на берег состояла в пополнении запасов пресной воды и дров. Он пытался уверить японцев, что «опасаться нас они не должны, ибо судно наше есть императорское, а не купеческое, и мы не намерены причинять им никакого вреда»¹¹⁵, однако ответ японцев был ожидаем: они утверждали обратное, говоря, что «японцы имеют причину бояться русских, ибо за несколько лет пред сим русские суда два раза нападали на японские селения, и все, что в них ни нашли, то или увезли с собою или сожгли, не пощадив даже ни храмов, ни домов, ни съестных припасов»¹¹⁶. Головнин пытался успокоить японцев, уверяя в том, что «если б государь наш имел причину и желать объявить Японии войну, то множество судов приходило бы к ним всякой год покуда не получили бы того, чего требовали»¹¹⁷. Пытаясь расположить к себе японцев, русские подарили им разные европейские вещи.

На страницах своей книги Головнин описывает айнов, которые были полостью угнетены японскими повелителями: «Когда я был с начальником на берегу, ко мне подошел с большим подобострастием и унижением престарелый тойон, или старшина мохнатых курильцев в сей части острова; их тут было обоего пола человек до 50; они показали нам так угнетены японцами, что тронуться с места не смеют; сидели в куче и смотрели с робостью на своих повелителей, с которыми иначе говорить не смели, как стоя на коленях, положив обе руки ладонями на ноги немного выше колен и наклонив голову низко, а всем телом нагнувшись вперед. Наши курильцы с нами говорили с такими же знаками почтения, как и с ними. Я желал на свободе с ними поговорить ... чтобы они уверили японцев в нашем дружеском к ним расположении, и что мы не намерены делать им отнюдь никакого вреда»¹¹⁸.

Курильцы им позже сообщили, что японцы не поверили, что русские пришли «к ним за каким-нибудь другим делом, кроме намерения их грабить»¹¹⁹. 18 июня 1811 г. произошла встреча Головнина с

¹¹⁴ Там же. С. 22.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. С. 23.

¹¹⁸ Там же. С. 25–26.

¹¹⁹ Там же. С. 27.

айнами, которые подплыли к их судну на байдаре: «Мужчины были одеты в японских длинных и очень широких халатах, с короткими, широкими же рукавами; халаты сии сшиты из толстой бумажной материи синего цвета с частными сероватыми полосками, а женщина одна одета была в парке сшитой из птичьих шкур; на спине у ней, для украшения, висели в несколько рядов носы топорков (морской попугай); на голове был бумажный платок. Мужчины были с открытыми головами; на ногах торбасы или русские бахилы, сделанные из горл сивучей... Мужчины имели большие густые черные, как уголь, волосы и бороды; волосы они так носили, как наши ямщики; искусственных украшений никаких на лице и на шее не было, а у женщины рот¹²⁰ кругом по губам ... выкрашен синей краской и также испещрены руки»¹²¹. Головнин разделяет курильцев на «наших» и «мохнатых»¹²², говоря о том, что «наши» курильцы бороды бреют, а «мохнатые» носят длинные бороды.

По словам Головнина, курильцы просили их взять с собой, ибо боялись, что японцы их убьют, и повторяли свою просьбу несколько раз. Когда же Головнин уговорил их вернуться в селение, то они жалобно кричали с байдары: «Прощайте, мы вам наловим рыбы, наберем черемши и сараны, и будем вас ожидать, если японцы не убьют нас!»¹²³.

От о. Итуруп шлюп «Диана» взял курс к о. Уруп, измерение которого, как отмечает Головнин, заняло три дня. От курильцев он узнал, что «торг с японцами ... они производили постоянный и правильный, так как бы он был учрежден публичными актами двух государств, а может быть, еще и с лучшим порядком»¹²⁴, таким образом подтверждая слова Крузенштерна и мичмана Давыдова о честном обмене товарами между японцами и курильцами. Головнин дает подробное описание торговли, которое происходило между айнами и японцами. Описывая способ мены товаров, Головнин отмечает, что курильцы в основном торговали с японцами бобрами, сивучами, тюленями, лисицами и орлами.

«Курильцы возили к японцам на промен бобровые и нерпячью (тюленью) кожи, орлиные крылья и хвосты; а иногда лисиц, которых однако ж японцы покупают редко и за дешевую цену; от них же получали сорочинское пшено, бумажные материи, платье (главное, хала-

¹²⁰ Там же. С. 30.

¹²¹ Там же. С. 31.

¹²² Там же. С. 41.

¹²³ Там же. С. 35.

¹²⁴ Там же. С. 37.

ты), платки, табак, курительные трубки, деревянную лакированную посуду и другие мелочи... мена товаров происходит по взаимному согласию с обеих сторон без всякой обиды и притеснения; цены вообще почти всегда постоянны и одинаковы: обыкновенно японцы давали курильцам:

За одного полнорослого бобра 10 больших мешков сорочинского пшена

За тюленью кожу семь малых мешков

За десять орлиных хвостов 20 малых мешков и шелковый халат

За три орлиные хвоста дают бумажный халат с такой же подкладкой и с ватой в середине

За 10 орлиных крыльев папушку табаку, до которого курильцы великие охотники. Они вообще кладут его за губу, некоторые нюхают, а другие и курить научились у японцев из таких же трубок»¹²⁵.

Головнин отмечает, что ветер, туманы и пасмурная погода не позволяли подойти к проливу между Кунаширом и Хоккайдо. Только 4 июля шлюпу удалось встать на якорь в проливе. На следующий день, 5 июля 1811 г., они зашли в гавань, однако, попали под обстрел. «При входе нашем с крепости сделаны были два пушечные выстрела», — отмечает Головнин. 8 июля 1811 г. Головнин отправил за пресной водой вооруженные шлюпки.

На следующий день, 9 июля 1811 г., Головнин снова отправил шлюпки к берегу за водой. Тогда к ним вышел курилец по имени Кузьма, которого японцы отправили из крепости на разведку. «Он приближался потихоньку с величайшей робостью, держал в одной руке крест, а другой беспрестанно крестился. Он жил несколько лет между нашими курильцами на острове Расшуа, где известен был под именем Кузьмы; там вероятно научился он креститься, и узнав, что русские почитают крест, оградил им себя, и отважился идти к нам...»¹²⁶.

Русские пытались успокоить Кузьму, но тот продолжал дрожать «как в лихорадке». Поскольку знание русского языка Кузьмы ограничивалось не более чем десятью словами, разговор пришлось вести знаками. С большим трудом русские смогли понять, что начальник крепости желает с ними встретиться и просит их приплыть на лодке с таким же количеством людей, что и у него, на что Головнин согласился. В этот же день к шлюпке Головнина с берега приблизилась лодка со значительным количеством японцев и одним переводчиком айн-

¹²⁵ Там же. С. 37–38.

¹²⁶ Там же. С. 49.

ского языка. Японцы извинились за то, что стреляли в русское судно, объясняя свою недоверчивость «от поступков двух русских судов, за несколько лет пред сим на них нападавших, с которых люди сначала также съезжали на берег под предлогом надобности в воде и дровах»¹²⁷. Головнин, с помощью переводчика Алексея, объяснил им, что «прежние суда были торговые, нападали на них без воли правительства, за что начальники оных наказаны»¹²⁸. Японцы просили в тот же день встретиться с самим начальником крепости, на что Головнин ответил отказом, но обещал приехать на следующий день.

Головнин с сожалением отмечает, что хотел побольше пообщаться с японцами и выведать побольше информации, но переводчик Алексей, «нашел на лодке гребцами своих приятелей и беспрестанно почти с ними разговаривал»¹²⁹. Позже, Алексей расскажет Головнину о том, что японцы боялись нападения русских, поэтому, увидев незнакомое судно, они «отправили в лес все свои лучшие пожитки»¹³⁰. По его словам, они очень хорошо запомнили меткость стрельбы, которую они заметили еще при нападении на них лейтенанта Хвостова.

10 июля 1811 г. Головнин в сопровождении мичмана Мура, помощника штурмана Хлебникова, четырех матросов и переводчика Алексея высадился на берег. Их встретил японский чиновник, два офицера, два простых японца и более десяти человек курильцев, в сопровождении которых русских повели в крепость. «Войдя в ворота, я удивился множеству представившегося мне народа: одних солдат, вооруженных ружьями, стрелами, копьями, было от 300 и до 400 человек. Они сидели вокруг довольно пространной площади на правой стороне ворот; а великое множество курильцев с луками и стрелами окружали палатку»¹³¹, — вспоминал позже Головнин. После длительной беседы с начальником крепости, в ходе которой Головнин объяснял цель своего визита в дружеских намерениях, тон начальника изменился, и он «стал говорить громко и с жаром, упоминая часто Резанато (Резанов) Николай Сандрееч (Николай Александрович) и брался несколько раз за саблю»¹³². Переговоры между русскими и японцами завершились арестом всех, сошедших на берег русских.

Головнин и его команда были переправлены в Нэмуру, затем сухопутной дорогой в Хакодате и, наконец, в Мацумаэ. Головнин по-

¹²⁷ Там же. С. 50.

¹²⁸ Там же. С. 51.

¹²⁹ Там же. С. 51.

¹³⁰ Там же. С. 52.

¹³¹ Там же. С. 61.

¹³² Там же. С. 65.

дробно описывает их путь и останавливает особое внимание на айнских жилищах в Хакодатэ: «Верстах в 150 или 200 от Хакодатэ кончатся курильские селения, а начнутся японские; их разделяет небольшая, но весьма быстрая река ... Курильские селения большей частью невелики и состоят из хижин; нет при них ни огородов, ни садов; и вообще имеют они вид бедности; одни только японские домики между ними, в которых живут начальники или приставы японские и приказчики, надзирающие над промыслами, порядочно построены, содержатся очень опрятно и окружены огородами и садами. Японские селения, напротив того, имеют совсем другой вид: они очень обширны, расположены правильно улицами, строение все деревянной но весьма чисто отделанное; при всяком доме есть огород, а при некоторых и садик; в улицах и в домах опрятность удивительная; народ гораздо живее и на всех лицах заметно удовольствие; впрочем и о курильцах нельзя сказать, чтоб они казались печальными; вообще матсмайские курильцы довольно высоки, статны, проворны и гораздо виднее и мужественнее, нежели наши курильцы, или те, которые обитают на островах Итуруп и Кунашир»¹³³.

Головнин отдельно отмечает тот факт, что айнский язык очень отличается в зависимости от местности, до такой степени, что их переводчик Алексей не мог понять, что ему говорили айны из Мацумаэ. При этом тут же отмечает, что вид айнов, их одежда и множество схожих слов их языка явственно свидетельствуют о том, что это был один народ: «Курильцы острова Матсмая отчасти особенной народ от жителей других Курильских островов, и имеют свой язык, в котором хотя и есть много курильских слов, но курильцы их понимать не могут. Алексей и жители островов Итурупа и Кунашира совершенно разумели друг друга, но с матсмайскими курильцами, он с большим трудом объяснялся, а иногда и понимать их не мог; но в том, что все они некогда составляли один и тот же народ, нет ни малейшего сомнения: наружный вид, обычаи и множество сходных слов в их языках, слишком достаточно в том свидетельствуют»¹³⁴.

В ходе допросов Головнину и его команде задавали множество вопросов относительно Резанова, лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова. Головнина удивил тот факт, что японцы были уверены, что о деяниях двух русских офицеров был осведомлен весь свет и в Европе о данном инциденте знали во всех подробностях.

¹³³ Там же. С. 102–103.

¹³⁴ Там же. С. 103.

31 августа 1811 г. переводчик передал Муру и Головнину бумагу, на которой было письмо Хвостова айнам о том, что Сахалин является российским владением. Позже, уже после своего возвращения в Россию, 11 августа 1814 г. Головнин напишет Крузенштерну о том, что последний в своих суждениях о японцах ошибался «когда утверждал ..., что они нас не убьют, и не такой народ, чтобы покуситься могли на это. Хвостов же сделал более, нежели нам было известно. Он именем государя объявил им войну. Брал сахалинцев грамотами в подданстве России, награждал их медалями, между тем ограбил, разорил и сжег японского имущества на две тысячи пиястров»¹³⁵.

Мнение Головнина не совпало с мнением Крузенштерна не только по поводу японцев, но и по поводу айнов. Если Крузенштерн считал айнов лучшим народом, нравственные устои которого выделяли их из ряда диких народов, то Головнин был противоположного мнения и называл айнов «полудикими». Так, он отмечает, что Хвостов «осмелился простереть дерзость свою столь далеко, чтоб брать самовольно формальным актом народ, в чужой зависимости находящийся, в подданство России, не имея при том сил удержания владения оным, и раздавать полудиким людям медали с изображением своего Государя? Бумага сия уверяла японцев, что нападавшие на них действовали по воле нашего Императора»¹³⁶.

В подтверждение «дикости» айнского народа он приводит слова переводчика курильца Алексея, который говорил, что «язык курильский есть язык почти дикого народа, у которого нет и грамоты»¹³⁷. При всем этом Головнин критиковал «вероломные поступки хитрых и коварных японцев по отношению к айнам», таким образом соглашаясь со своими предшественниками Крузенштерном, Резановым, Хвостовым и Давыдовым в том, что японцы относились к айнам не лучшим образом.

Пленение Головнина закончилось в сентябре 1813 г. 19 сентября П. И. Рикорд (1776–1855) прибыл в Хакодате и передал необходимые письма наместнику японского правительства в Мацумаэ. 26 сентября японская сторона выдала Головнина и передала письма о запрете на торговлю, в одном из которых, в частности, говорилось, что «с ино-

¹³⁵ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 114. Л. 154. Оpubл.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. С. 233.

¹³⁶ Записки флота капитана Головнина. Ч. 1. С. 145.

¹³⁷ Там же. С. 204.

странными землями вновь основывать сношения и торговлю в империи нашей постановленным не позволено»¹³⁸.

В результате все попытки установить торговые отношения с Японией были прекращены. Более того, российское правительство прекратило поддерживать отношения с айнами южных Курильских островов, на торговлю с которыми до этого очень рассчитывало. Колония, заведенная в 1795 г. на о. Уруп для промысла каланов и торговли с «мохнатыми курильцами», прекратила существование ещё в 1805 г., а заселение Сахалина, которым начала заниматься Российско-Американская компания, в 1812 г. было прекращено, так и не начавшись. 10 декабря 1812 г. главное правление РАК отправило императору Александру I донесение, в котором сообщило, что «принадлежавший компании корабль «Нева» ... назначен был правлением компании в экспедицию на остров Сахалин, на котором по всемилостивейшему Вашего Императорского Величества дозволению хотело оно сделать свою оседлость... но по случаю предпринимаемой правительством экспедиции к берегам Японии, помянутое назначение его остановлено»¹³⁹.

Несмотря на то, что Головнин в своих донесениях утверждает, что «Рикорд доставил нам свободу и уничтожил дурные в японцах мнения о русском народе, произведенное непозволительным грабительством Хвостова»¹⁴⁰, следующие попытки установить торговые отношения с Японией были возобновлены лишь через тридцать лет, в 1843 г.

¹³⁸ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2498. Л. 157. Копия. Оpubл.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. С. 229.

¹³⁹ АВПРИ. Ф. РАК. Д. 220. Л. 1. Копия. Оpubл.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815. С. 226.

¹⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 203. Л. 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришачев Сергей Викторович — кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения НИУ ВШЭ (Москва)

Климов Артём Вадимович — старший преподаватель кафедры японоведения Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

Климов Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Климова Ольга Вадимовна — PhD, заведующая кафедрой японоведения Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

Осипова Марина Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии Сибири МАЭ РАН (Санкт-Петербург)

Соколов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН (Санкт-Петербург)

Чекунова Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Щепкин Василий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, доцент кафедры японоведения Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)